

13-й Международный фестиваль европейского театра

Но самым значительным событием этого фестиваля стала "Орестея", сыгранная итальянской труппой "Соцетас Раффаэлло Санцио" из маленькой коммуны Сезена, недалеко от Болоньи. Странный и неожиданный спектакль Ромео Кастелуччи оставляет зрителя в состоянии непреходящего шока, очень сложно поддающегося объяснениям. Словно режиссер возвращает первоначальный смысл понятию театрального авангарда: три части эсхиловской трилогии интерпретируются со смелостью, гравицей иногда с безумием. Трагедия дома Атидов представлена в некоем конденсированном виде, как могли бы ее увидеть теоретик "театра жестокости" Антонен Арто и художник Френсис Бэкон не через текст, а через страдающую, обезображенную, исковерканную человеческую плоть. В трилогии Эсхила все время речь идет о бойне, о смерти, о трупах — Ромео Кастелуччи претворяет в визуальные образы все то, что у греческого трагика заключено в тексте.

Первое действие — какофония звуков: заливание сирены, методические разрывы снарядов, специально искаженные звукоусилителями голоса. Слов не разобрать — сплошные заклинания. Какофонии звуков соответствует искаженное пространство — сцена выглядит коробкой за прозрачной перегородкой и набита какими-то бесконечными механическими и электрическими механизмами, назначение которых неясно и оттого угрожающе. Не сцена — пыточный кабинет. Что в конце концов и реализуется в сцене между Эгистом и Корифеем.

Но самая поразительная трансформация происходит с телами: все женщины безмерно тучны, тогда как мужчины безмерно тощи. При этом все они нагие.

На огромном ложе въезжает огромная тучная Клитемнестра, и не менее тучная Кассандра завывает в стеклянной клетке — ее стени закончатся выплеском на стеклянные стены кровавой киновари, а Клитемнестра, совершив убийство Агамемнона, будет с удовольствием обмывать под душем свое огромное тучное тело, пока из душа не забрызжет кроваво-красный фонтан.

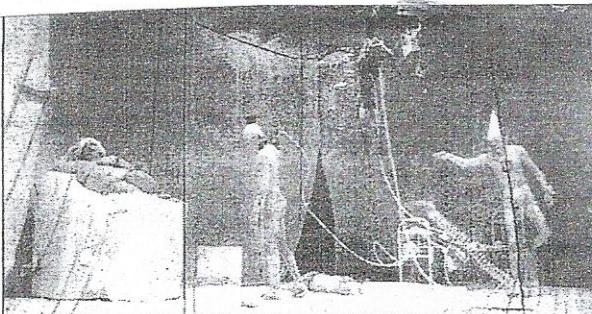
Кстати, об Агамемноне. Его в спектакле итальянцев играет актер с болезнью Дауна. Ромео Кастелуччи видит их изначальную общность: монарх, как и даун, находится как бы вне общества, над обществом, и оба они — невинные жертвы.

Для тех, кто выдержит испытание звуком и зрительным рядом, режиссер готовит не менее забавное испытание смыслом. Роль Корифея Хора отдана актеру в маске Кролика, предводительствующему целой вереницей гипсовых крольчат. И пока вы думаете о связи между Кроликом, Эсхилом и Льюисом Кэрроллом, между Алисой и Ифигенией, Эгист начинает пытать бедного Кролика электрическим током, в то время как из-за кулис кто-то отстреливает одного за другим гипсовых крольчат.

Короче, первая часть трилогии — своего рода преамбула, в которой зрителя так же, как и действующих лиц, выдерживают на прочность. Те, кто выдержит, будут вознаграждены.

Второе действие, "Хозфоры", проходит в по-

в Гренобле

лной тишине. Вся сцена окутана в белое — настоящее белое безмолвие, в котором движутся, как будто сплленные из гипса, белые рахитичные фигуры... Сцена, так по композиции и в деталях напоминающая Бэкона, но только без цвета, — белый лист бумаги, на котором Ромео Кастелуччи рисует удлиненные силуэты Ореста и Пилада.

Как описать то, что происходит дальше? Ритуальные кружения Пилада и Ореста вокруг могилы Агамемнона — ритуал скорби. Как выразить скорбь? Орест с завязанными за спиной руками, как бы лишенный жизни, прикасает всем телом к могиле отца и замирает, а страдание выражается в судорожных движениях пальцев ног.

А как выражается нежность? Огромная тучная Электра в белой балетной пачке, прижимающая к груди малюсенькие детские туфельки брата... А в это время могила разверзается, и из нее возникает выпотрошенная туша с головой барабана — символическое вознесение Агамемнона, напоминающее не столько бэконовский триптих по Эсхилу, сколько его же "этюды к Распятию".

Потом к вознесенной над сценой тушке приделают искусственные мехи, и она начнет громко дышать, и ритм ее дыхания, как метроном, сопровождает всю сцену мщения. Дальше Пилад и Электра начинают ритуальное приготовление тела Ореста к убийству матери. Само убийство совершается с помощью накачанной механической руки — знак того, что Орест действует не по своей воле. После убийства Орест, свернувшись клубочком, ложится, совсем как ребенок, на маленькую белую кровать. Вторая часть "Орестеи" заканчивается кровавым душем, на этот раз над Орестом.

Обычно в третьей части трагедии о мести Эриний, об ужасе и мучениях, испытанных Орестом, рассказывает Хор — это как бы мучения виртуальные. Месть Эриний в спектакле итальянцев выражена, как можно догадаться, не виртуально...

Это третья часть спектакля, самая короткая, конденсирующая в себе то, что древние, наверное, называли ужасом. Сначала появляется Аполлон — торс безрукого актера под огромными птичьими крыльями. Потом в середине сцены вы светится стеклянное окно аквариума, внутри которого на верхнем этаже снуют черные павианы, на заднике вырисовывается силуэт убиенной Клитемнестры с кинжалом, а внизу, между ними, мечется обезумевший Орест. На авансцене, как метроном, снуют беспомощный Пилад в высоком колпаке средневекового "дурaka".

Короче, когда в конце спектакля Афина отпускает с миром Ореста и Электру, зритель испытывает то самое эмоционально-шоковое очищение ужасом, о котором мечтал Антонен Арто, по-своему трактовавший аристотелевский катарис...

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж

